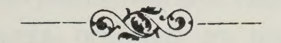
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXI, № 6.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

М. П. ПОГОДИНѢ.

А. А. Потѣхинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1901 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Около 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я встрѣтился въ первый разъ съ М. П. Погодинымъ. Это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда я только что вступалъ на литературное поприще. Бывши въ Москвѣ, я случайно познакомился и сошелся съ кружкомъ молодыхъ людей, составлявшихъ такъ называемую молодую редакцію Москвитянина. Это были Григорьевъ, Эдельсонъ, Т. И. Филиповъ, Алмазовъ и среди нихъ, не какъ центръ, но какъ предметъ общаго въ то время поклоненія, почти благоговѣйнаго обожанія,—А. Н. Островскій. Я читалъ въ этомъ кружкѣ мои первые беллетрическіе опыты и мою первую драму «Судъ людской—не Божій» и былъ благосклонно и дружелюбно принятъ въ ихъ среду. Въ то время молодая редакція еще не вполнѣ самостоятельно распоряжалась изданіемъ Москвитянина и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ денежныхъ вопросахъ, должна была сноситься съ Погодинымъ. Отъ меня были приняты въ редакцію двѣ повѣсти, и одна изъ нихъ была уже набрана и въ гранкахъ мною корректирована, но остановлена цензурою и въ печать не попала. Не помню, по этому ли обстоятельству, или по вопросу о гонорарѣ, или по желанію самаго Погодина, который прочиталъ мои разсказы, но я долженъ былъ къ нему явиться. Я былъ еще очень молодъ, почти юноша, зналъ о Погодинѣ, какъ о заслуженномъ профессорѣ, большомъ ученомъ, историкѣ, а главное—другѣ Пушкина и Гоголя, и потому

шелъ къ нему не безъ робости, хотя въ томъ же кружкѣ молодой редакціи слышалъ не мало ироническихъ отзывовъ о его разсчетливости и другихъ особенностяхъ его характера. Погодинъ въ то время жилъ въ собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Я вошелъ въ его кабинетъ, большую комнату, очень просто меблированную, поперегъ которой, близко къ противоположной отъ входа стѣнѣ, стоялъ письменный столъ, тоже очень простой, заваленный книгами и рукописями. Изъ-за этого стола поднялся на встрѣчу ко мнѣ средняго роста человѣкъ, въ какомъ то коричневомъ не то сюртукѣ, не то халатѣ, прихрамывающій, съ большой головой, покрытой вихрястыми растрепанными, но не длинными волосами, съ широкимъ некрасивымъ чисто русскаго склада лицомъ, хмурый и угрюмый. Это былъ М. П. Погодинъ. Онъ заговорилъ со мною своимъ обычнымъ грубоватымъ и отрывистымъ тономъ, но въ этомъ тонѣ не было ни напыщенности, ни пренебреженія, напротивъ слышалась безыскуственность, простота и искренность, такъ что я сразу ободрился и повелъ бесѣду съ нимъ свободно и непринужденно, но чувствовалъ на себѣ постоянно пытливый, наблюдательный взглядъ и сознавалъ, что меня какъ бы зондируютъ и экзаменуютъ. Не помню подробно о чемъ велась бесѣда во время этой первой встрѣчи, но замѣтилъ, что у Мих. Петр. была наклонность поучать, совѣтовать, наставлять. Помню и нѣкоторыя его фразы. Такъ когда рѣчь зашла о гонорарѣ за печатавшіеся мои разсказы, онъ поморщился и сказалъ: «гонораръ, гонораръ! и къ чему это иностранное слово, развѣ нѣтъ русскаго? И вотъ какая нынче молодежь: только что начинаетъ печататься и уже требуетъ платы». Я хотѣлъ возразить что печатался уже въ другихъ журналахъ и получалъ вознагражденіе. «Знаю, знаю, перебилъ онъ меня. Не вы, вѣдь, одни, и другіе нынѣшніе, всѣ такъ, всѣ требуютъ за свои сочиненія денегъ, платы. А знаете ли вы, что мы, въ молодости, за счастіе, за честь считали, чтобы только приняли въ журналъ и напечатали наши писанія. А теперь первый разговоръ: деньги, деньги... И къ чему вамъ то много денегъ: вѣдь, вы, живете въ деревнѣ?

— Да

— Ну, а въ деревнѣ все свое, готовое: и курица, и яйца, и молоко...

— У меня семья, перебивалъ я его.

— Какая семья?

— Жена, ребенокъ.

— Какъ жена? Развѣ вы женаты?

— Да, уже слишкомъ два года.

У Михаила Петровича лицо выразило изумленіе и не мудрено, потому что я женился крайне молодымъ; но онъ ничего больше не возражалъ и вопросъ о гонорарѣ разрѣшился къ взаимному удовольствію. Вообще первая наша встрѣча и бесѣда установила между нами очень хорошія отношенія. По крайней мѣрѣ во мнѣ, несмотря на всю его грубоватость и поучительный тонъ, М. П. оставилъ хорошее и симпатичное впечатлѣніе, думаю, что и онъ ко мнѣ расположился, судя по дальнѣйшимъ его отношеніямъ. Припоминаю между прочимъ еще одну его фразу. — Искренній ли вы человѣкъ? вдругъ спросилъ онъ меня. Я удивился вопросу и просилъ поясненія.—«Видите ли: вы говорите очень тихо, а у меня есть наблюденіе, что люди говорящіе тихимъ ровнымъ голосомъ обыкновенно бываютъ неискренними, скрытными, хитрыми, а по другимъ признакамъ въ васъ я этого не вижу и не хотѣлъ бы, чтобы вы были такимъ».

Не смотря на очевидную скуповатость и разсчетливость Погодина, онъ не былъ сухъ сердцемъ, напротивъ былъ отзывчивъ, способенъ на сочувствіе и помощь. Я зналъ молодыхъ людей, которые въ нуждѣ обращались къ нему и не оставались безъ помощи, хотя и принуждены были предварительно выслушивать и наставленія, и замѣчанія; зналъ двухъ студентовъ, которые жили у него и пользовались отъ него и пріютомъ, и столомъ. Я самъ на себѣ испыталъ и его безкорыстную доброжелательность, заботливость и желаніе помочь человѣку. Когда я прочиталъ ему мою первую драму «Судъ людской — не Божій», которая очень ему понравилась, онъ самъ, безъ моей просьбы,

вызвался помогать мнѣ въ проведеніи ея па сцену, что въ то время для молодыхъ начинающихъ писателей было очень трудно какъ со стороны драматической цензуры, вѣдавшейся 3 Отдѣленіемъ, такъ и со стороны театральной дирекціи, почему то смотрѣвшей на новыхъ неизвѣстныхъ авторовъ непріязненно и даже враждебно, какъ на людей непризванныхъ, нарушающихъ ея олимпійское спокойствіе. Погодинъ, чтобы помочь мнѣ въ этомъ отношеніи придумалъ такой путь: онъ написалъ обо мнѣ письма къ нѣсколькимъ вліятельнымъ въ Петербургѣ лицамъ, своимъ знакомымъ, и вручилъ мнѣ письмо къ Головнину, бывшему тогда директоромъ военно-походной канцеляріи генералъ-адмирала В. К. Константина Николаевича, съ которымъ я и явился къ нему въ Петербургъ. Результатомъ этихъ писемъ и особенно конечно послѣдняго, было то, что я получилъ приглашеніе явиться вечеромъ въ мраморный дворецъ для прочтенія моей пьесы Великому Князю. И я читалъ ее у него, въ присутствіи В. Княгинь Александры Іосифовны, Королевы Виртенбергской, Ольги Николаевны, и очень многихъ приглашенныхъ. Я не могу удержаться, чтобы не вспомнить при этомъ, въ присутствіи Августѣйшаго Сына покойнаго Великаго князя, нашего сотоварища и Президента Академіи, въ какой степени я былъ очарованъ и осчастливленъ милостивымъ, ласковымъ, сердечно простымъ и искреннимъ пріемомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ до сихъ поръ наполняетъ меня чувствомъ глубокой благодарности. Чтеніе продолжалось болѣе трехъ часовъ и было выслушано съ глубочайшимъ вниманіемъ. По окончаніи его меня осыпали похвалами и поощреніями и Великій князь и Великія Княгини, и все это было такъ просто, такъ гуманно и искренно, что я ушелъ совершенно очарованный и счастливый. Великій Князь тотчасъ же приказалъ написать отъ себя и послалъ бумаги къ Шефу жандармовъ съ просьбою немедленно разсмотрѣть въ цензурѣ мою пьесу и къ министру Двора о скорѣйшей постановкѣ ея на сценѣ. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, но и при такомъ покровительствѣ и хода-

тайствѣ, постановка моей пьесы состоялась только на слѣдующій годъ и въ самое неблагопріятное время, 29 апрѣля, когда публика перестаетъ посѣщать театры. Великому Князю такъ понравилась моя драма что онъ написалъ, или приказалъ написать Погодину, благодарность за то, что онъ рекомендовалъ меня ему и познакомилъ съ новымъ произведеніемъ, которое очень ему понравилось. Разумѣется Погодинъ былъ очень доволенъ такимъ результатомъ его рекомендаціи и, когда я, возвратясь изъ Петербурга, зашелъ къ нему, чтобы поблагодарить за хлопоты обо мнѣ, онъ встрѣтилъ меня очень благодушно, даже радостно и ласково, и потребовалъ чтобы я подробно разсказалъ о моемъ пребываніи у Великаго Князя и о всемъ и всѣхъ, у кого я былъ, и что видѣлъ въ Петербургѣ. Между прочимъ, когда зашла рѣчь о только что поставленной въ то время въ Петербургѣ новой пьесѣ Островскаго «Не въ свои сани не садись» и я сказалъ, что и пьеса, и молодая актриса Читау въ ней, производятъ фуроръ, Погодинъ остановилъ меня. — Что за фуроръ? Почему фуроръ? Развѣ нѣтъ русскаго слова выражающаго это понятіе. И что за Читау? Почему Читау на русской сценѣ: развѣ не лучше бы было назваться Читавиной что ли?—Читавина!—прекрасно! Зачѣмъ это Читау?

Конечно я не могъ дать ему объясненія на этотъ вопросъ. И вообще довольный моимъ разсказомъ, М. П. не удержался, чтобы не сдѣлать мнѣ нѣсколько замѣчаній за мою, по его мнѣнію, безтактность и незнаніе этикета по поводу нѣкоторыхъ моихъ фразъ и поведенія во дворцѣ, которымъ, какъ мнѣ казалось, никто не придавалъ такого значенія, какъ онъ, человѣкъ осторожный, политичный и великій житейскій практикъ, какимъ его считали и какимъ, какъ мнѣ думается, онъ самъ себя признавалъ. Но этотъ практикъ, какъ я убѣдился, имѣлъ очень отзывчивое сердце и былъ крайне нервнымъ человѣкомъ. Разъ я засталъ его блѣднымъ, взволнованнымъ, крайне возбужденнымъ, съ лихорадочно-блестящими глазами.

— Вы не здоровы, М. П.? спросилъ я его.

— Нѣтъ, теперь совсѣмъ здоровъ и даже веселъ, но только что перенесъ всѣ муки родовъ.

— Какъ такъ? что такое? съ недоумѣніемъ повторилъ я мой вопросъ.

— Какъ драматическій авторъ и вообще писатель, вы должны меня понять. Видали вы пожаръ большого театра и подвигъ русскаго человѣка, Марина?

— Нѣтъ не видалъ, потому что только что пріѣхалъ, но слышалъ о томъ и другомъ.

— Ну, а я только что кончилъ описаніе этого подвига. Слушайте, я прочту его вамъ».

И онъ, читая эту свою статью, плакалъ, буквально плакалъ слезами отъ умиленія и восторга предъ самоотверженіемъ и геройствомъ русскаго человѣка. Другой разъ я нашелъ его раздраженнымъ и мрачнымъ, и онъ сообщилъ мнѣ, что представилъ записку о политическомъ отношеніи нашемъ къ славянскимъ племенамъ и получилъ свыше отвѣтъ съ выраженіемъ благодарности за усердіе, но со внушеніемъ, что сверху лучше и яснѣе видно чѣмъ снизу, что нужно дѣлать.—«Кто же болѣе сверху смотритъ, какъ не историкъ, продолжалъ М. П. Только именно историкъ и можетъ смотрѣть на событія сверху, потому что онъ знаетъ прошедшее и по этому прошедшему можетъ предсказать и будущее, и указать дорогу по которой нужно идти. Я выскажу имъ это». Видимо онъ былъ очень огорченъ и разстроенъ такимъ отвѣтомъ на его записку. Въ заключеніе сообщу еще одинъ случай изъ моихъ сношеній съ М. П.

Около моей деревни въ Костр. губ., гдѣ я жилъ находится село Филисово и въ полуверстѣ отъ него старинная барская усадьба, давно необитаемая владѣльцами — Батыево. Разъ, разговаривая съ управляющимъ этимъ имѣньемъ, я узналъ отъ него, что все это имѣнье нѣкогда принадлежало Артемію Волынскому и что въ архивѣ усадьбы есть письма и приказы, писанные рукою Волынскаго. Я выпросилъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, которымъ вообще не придавалось тамъ никакого значенія и онѣ были

бы все равно утрачены, и привезъ ихъ въ Москву, чтобы отдать М. П. въ его древлехранилище. Передавая ему эти письма я разсказывалъ такъ, какъ разсказываю и теперь, объ ихъ происхожденіи, но какъ только я упомянулъ село Филисово и усадьбу Батыево. М. П. даже вскочилъ съ мѣста, лицо его оживилось, глаза загорѣлись.

— Да вы знаете ли какое сдѣлали открытіе случайно и безсознательно, какой дорогой подарокъ сдѣлали мнѣ и наукѣ? Слушайте-ка. Я только что получилъ, разобралъ и печатаю рукопись: инструкцію какого то помѣщика своимъ крестьянамъ, по языку принадлежащую къ 18 вѣку, очень интересную и характерную, рисующую бытовыя отношенія помѣщика къ крестьянамъ, но рукопись безъ начала и конца. Думали и гадали кому бы могла принадлежать эта инструкція и конечно никогда бы не доискались достовѣрно и несомнѣнно, а вотъ теперь все ясно. Въ рукописи упоминаются и село Филисово и усадьба Батыево, слѣд. несомнѣнно эта инструкція написана Волынскимъ. Вотъ какъ иногда случайность помогаетъ въ историческихъ розыскахъ.... М. П. былъ въ восторгѣ, благодарилъ меня, чуть не обнималъ и обѣщалъ печатно разсказать объ этомъ случайномъ открытіи, и кажется, сколько я помню, напечаталъ въ Москвитянинѣ.

На этомъ оканчиваются мои воспоминанія о М. П. Погодинѣ. Я переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ и сношенія мои съ нимъ прекратились, но память о немъ соединенная съ глубокою благодарностью осталась въ моей душѣ навсегда, память о немъ, какъ о цѣльной крупной натурѣ, какъ о сложномъ богатомъ характерѣ, какъ объ ученомъ и писателѣ съ большой эрудиціей, съ большими заслугами предъ наукой и обществомъ, какъ о большомъ хорошемъ, самобытномъ русскомъ человѣкѣ.